

Евгений Савицкий

Месть кухарок:

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДОМАШНЕГО ТРУДА
И СУДЬБА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_346

Klots A. Domestic Service in the Soviet Union: Women's Emancipation and the Gendered Hierarchy of Labor.

Cambridge: Cambridge University Press, 2024. — X, 307 p. —
(New Studies in European History).

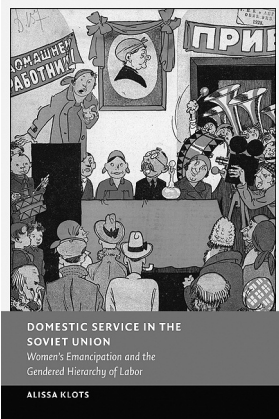
Cucz D. Winning Women's Hearts and Minds: Selling Cold War Culture in the US and the USSR.

Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 2023. — XVI, 317 p.

В Пермской художественной галерее хранится не очень сегодня известная, но многократно репродуцированная на дореволюционных открытках картина В.Е. Маковского «Наем прислуги» (1891). Художник изобразил крестьянскую девушку, вошедшую в комнату, где за столом сидят курящий трубку отставной офицер, его жена и двое сыновей-подростков, в чьих взглядах можно прочесть незавидное будущее юной служанки, над которой каждый член семьи будет издеваться по своему. Недоброжелательность читается и во взгляде старой горничной, стоящей за спиной девушки. В это же время Л.Н. Толстой работает над романом «Воскресение» о соблазненной барином и ставшей проституткой служанке. Дореволюционная статистика свидетельствовала, что среди проституток бывшей домашней прислуги было особенно много¹, и это не раз становилось предметом обсуждений². А тремя годами ранее А.П. Чехов публикует рассказ «Спать хочется», где лишенная нормального сна тринадцатилетняя няня убивает доверенного ей ребенка. На картине Маковского в духе модных тогда теорий вырождения можно также увидеть противопоставление уродливых представителей прошлого и здоровой неиспорченной юности, которую надо спасти ради другого будущего³. Грязный и неухоженный отставник не должен касаться чистой и опрятной крестьянской девушки.

Тема материальной, сексуальной и психологической эксплуатации прислуги, особенно женской, была, таким образом, довольно заметной в дореволюционное

-
- 1 По данным Центрального статистического управления за 1889 г. — 45%. См.: Статистика Российской империи. Т. 13. Проституция: по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890. С. XXXIII.
 - 2 См., например: *Оболенко П.Е.* Поднадзорная проституция С.-Петербурга по данным Врачебно-полицейского комитета и Калинкинской больницы: Дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1896. С. 31—32; *Покровская М.И.* Борьба с проституцией: доклад II отделению Российского общества охранения народного здоровья 10 декабря 1899 г. СПб., 1900. С. 7—9; *Коллонтай А.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 147.
 - 3 См.: *Николози Р.* Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX в. / Пер. с нем. Н. Ставрогиной. М., 2019. В 1920—1930-е гг. физическое и нравственное вырождение прежних господствующих классов, начиная с царской семьи, было расхожим среди советских авторов объяснением причин революции.

время⁴, и, казалось бы, советская власть должна была с этим злом покончить. Домашняя прислуга была среди наиболее активных участников революции 1905 г., она даже создала свой особый профсоюз, и это дополнительно привлекло внимание к ее проблемам⁵. Однако, как отмечает профессор Питтсбургского университета Алиса Клоц в книге «Работа по дому в Советском Союзе: освобождение женщин и гендерная иерархия труда»⁶, политика большевиков в этом вопросе оказалась весьма непоследовательной. Это было обусловлено причинами как теоретического, так и практического характера. С одной стороны, домашний труд не подходил под марксистское определение капиталистической эксплуатации, подразумевавшее собственность буржуазии на средства производства; это не

позволяло в полной мере отнести домработниц к «рабочим». С другой стороны, советская власть долгое время не могла наладить коммунальную инфраструктуру для обеспечения питания, воспитания детей, уборки помещений и пр. Прислуга воспринималась одновременно и как пережиток времен крепостного права, и как необходимое средство, чтобы освободить ответственных и высококвалифицированных работников от бытовых забот. Сам В.И. Ленин, переехав в кремлевскую квартиру, обзавелся кухаркой.

- 4 Этай теме посвящена также довольно обширная современная историография, в том числе российская. См., например: *Веремько В.А.* «Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права в России // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2013. Т. 4. № 4. С. 82—89; *Богданов Л.Г.* Стереотипы о женской домашней прислуге как инструмент конструирования городской идентичности средних слоев Петербурга в начале XX в. // *Апрельские тезисы: Материалы междисциплинарной научно-исследовательской конференции.* Пермь, 2021. С. 157—165; *Попова О.Д.* Горничные, денщики, прачки и другая прислуга в мире российской повседневности рубежа XIX—XX вв. // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2023. Т. 23. № 1. С. 99—105. См. также: *Прислуга в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.:* Сб. документов и материалов / Отв. ред. В.А. Веремько. СПб., 2020.
- 5 *Spagnolo R.* Serving the Household, Asserting the Self: Urban Domestic Servant Activism // *The Human Tradition in Imperial Russia* / Ed. by C.D. Worobec. Lanham, 2009. P. 141—154. См. также: *Семенов А.М.* Участие прислуги в забастовочном движении 1905 г. // *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции* / Отв. ред. В.А. Веремько, В.Н. Шайдуров. СПб., 2020. С. 105—110; *Веремько В.А., Жукова А.Е.* «Пролетариат кухни» сражается: способы защиты своих прав женской домашней прислугой в России в начале XX в. // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.* 2019. № 4 (65). С. 51—60; *Самарина Л.А.* Распределение капиталов в российских профессиональных объединениях прислуги во второй половине XIX — начале XX вв. // *Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: Материалы международной научной конференции* / Под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремько. СПб., 2016. С. 121—128.
- 6 Книга является продолжением исследований, начатых еще в рамках работы над кандидатской диссертацией: *Клоц А.Р.* Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2012. См. также: *Она же.* Домашняя прислуга как объект исторического исследования в англоязычной историографии второй половины XX в. // *Вестник Пермского университета. История.* 2011. № 3 (17). С. 75—80.

Книга Клоц, однако, избегает сугубо виктимизирующей трактовки истории женщин и их домашнего труда. Ее книга показывает, что многие домработницы стремились противостоять представлению о домашней работе как о чем-то недостойном, оглуляющем, стоящем в самом низу иерархии видов занятости, чего нужно во что бы то ни стало избежать. Отсталость домработниц, о которой так много говорилось и до и после революции, опровергалась уже тем, что даже в дореволюционную эпоху домашняя прислуга зарабатывала в целом довольно хорошо. Грамотность среди прислуги была выше, чем среди фабричных работниц. Участие в революции 1905 г. можно трактовать не только как свидетельство бедственного положения женской прислуги, но и как проявление активности, сознательности, способности к коллективной самоорганизации и солидарности, что также противоречит стереотипу безграмотной и беспомощной крестьянской девушки.

Выходя за рамки виктимизирующих трактовок, книга Клоц примыкает к тому ряду исследований, где осуществляется важное и в наше время критическое осмысление иерархий форм труда. Так, Дж. Бурк еще в 1990-е гг. писала о том, что происходившее по мере механизации сельскохозяйственного и промышленного труда вытеснение британских женщин в домашнюю сферу воспринималось ими в основном положительно и что гендерное присвоение домашнего труда становилось даже средством осуществления власти в семье⁷. Позднее такая домашняя власть осмыслялась и в более широком политическом контексте. Например, другая британская исследовательница, К. Келли, писала, что приготовление еды по «фирменным рецептам хозяйки» могло в позднесоветское время конституировать альтернативную общепринятой культурную практику и связанную с нею память⁸. Подобным же образом в рамках *food studies* исследовалось и использование еды для подспудного сопротивления фашизму в Италии 1920—1930-х гг. В недавней книге Д. Гарвин «Кормить фашизм: политика женской работы по приготовлению пищи» рассказывается, в частности, о том, что хозяйки могли намеренно избегать использования продуктов, пропагандировавшихся властями в рамках политики автаркии (то есть импортозамещения), и, наоборот, готовить пищу из подсанкционных продуктов (Италия находилась под международными санкциями после нападения на Эфиопию в 1935 г.), появление которых на столе провоцировало разговоры на политические темы и т.п.⁹

-
- 7 См.: *Bourke J. Housewifery in Working-Class England, 1860—1914 // Past and Present. 1994. Vol. 143. No. 1. P. 167—197; Eadem. Husbandry to Housewifery: Women, Economic Change, and Housework in Ireland, 1890—1914. Oxford, 1993. См. также: Веременко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320—354.*
- 8 *Келли К. Петербург: тени прошлого. СПб., 2021. С. 163—180. См. также: Глущенко И.В. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР 1920—30-х гг.: Дис. ... канд. культурологии. М., 2014; Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life / Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington, 2019. Об этом сборнике см. в: Пушкарева Н., Жидченко А. Зарубежные исследования советской женской повседневности // Новое литературное обозрение. 2023. № 183. С. 345—352. Пушкарева также исследовала советских домработниц: Пушкарева Н.Л., Сеченова О.И. «Занималась хозяйством»: домашние работницы в повседневной жизни российских женщин-историков первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 5—15.*
- 9 *Garvin D. Feeding Fascism: The Politics of Women's Food Work. Toronto, 2022. О гендерных представлениях с позиции «исследований еды» см. также: Tigner A., Allison C. Literature and Food Studies. N.Y., 2018.*

В качестве форм сопротивления могут трактоваться и такие явления, как воровство¹⁰ или лень¹¹ прислуги. В историографии последних лет они рассматривались как «дополнительные»¹² формы переприсвоения власти и экономических ресурсов, выходящие за рамки гегелевско-марксистского противопоставления раба и господина¹³. Наконец, следует отметить, что такого рода «неправильные» способы отстаивания женщинами своих прав анализировались в последние годы и в рамках постколониальных исследований: изучались как социальные и дискурсивные практики женщин, выходящие за рамки оппозиции традиционализма и модернизма, отсталости и современности¹⁴, так и глобальные взаимосвязи, например то, как представления о европейском престиже (и во многом зеркальные ему — об угрозах этому престижу, в том числе сексуальных) влияли на практики использования прислуги и выстраивание отношений с нею в колониях и как затем колониальные поведенческие нормы оказывали обратное влияние на метрополию¹⁵.

В книге Клоц колониальная проблематика затрагивается лишь мимоходом — упоминается о том, что использование мужчин в качестве «домработниц» (sic!) в Средней Азии трактовалось в советской печати середины 1920-х гг. как особенно вопиющий пережиток прошлого (с. 47). Также со ссылкой на материалы переписи 1926 г. указывается, что в нерусских республиках большинство прислуги составляли русские: так, в Узбекистане из более чем трех с половиной тысяч работающих слугами лишь 86 были узбеками. Схожим образом в белорусском Минске с его 40% еврейского населения только 6% домашней прислуги были из евреев; как

-
- 10 Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 77–89; Масленникова В.А. «Вороватые дамочки»: домашние кражи в Таврической губернии по материалам периодической печати конца XIX — начала XX в. (гендерный аспект) // Эхо веков. 2021. № 1. С. 25–36.
- 11 Бурлуцкая Е.В. «...прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему»: домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (28). С. 77–86. Ср. о лени туземных южноафриканских и южноамериканских рабочих в XIX–XX вв.: Комаровф Д.Л., Комаровф Д. Безумец и мигрант / Пер. с англ. К.А. Левинсона // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. / Под ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгаци. СПб., 2006. С. 269–270; Taussig M.T. The Devil and Commodity Fetishism in South America. Chapel Hill, 1980.
- 12 См.: Hobsbawm E.J. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. N.Y.; L., 1959.
- 13 Gehrlach A. Diebe: Die Heimliche Aneignung als Ursprungserzählung in Literatur, Philosophie und Mythos. Paderborn, 2016. См. об этой книге в: Савицкий Е. Политика воровства: фальсификации, кражи и плагиат как основополагающие культурные практики от Прометея до наших дней // Новое литературное обозрение. 2017. № 146. С. 307–319.
- 14 Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу / Пер. с англ. П. Бавина. М., 2021. С. 61–64; Стивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2022.
- 15 Nederveen Meerkerk E. van. Women, Work and Colonialism in the Netherlands and Java: Comparisons, Contrasts and Connections, 1830–1940. Cham, 2019; Stoler A.L. Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule. Berkeley, 2002. Из российских исследований колониальных аспектов использования прислуги см.: Семенов А.М., Семенова О.А. Китайская прислуга на территории «русского» Харбина в начале XX в. // Вопросы истории. 2021. № 10-2. С. 156–163; Ванина Е.Ю. Чужеземная прислуга в индийском княжестве Бхопал (XIX — начало XX в.) // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3 (13). С. 151–163. О межнациональных и межрелигиозных аспектах найма прислуги в России см. также: Семенов А.М., Семенова О.А. Наем прислуги евреями в Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Клио. 2019. № 10 (154). С. 45–50.

предполагает Клоц, русские домработницы из крестьянок выполняли работу, которой сторонились городские еврейские женщины¹⁶. Русские составляли более двух третей домработниц и в Баку; автор объясняет это тем, что в мусульманских семьях не было принято отпускать девушек работать на стороне, они выполняли различные домашние обязанности для своей семьи, которая, таким образом, не нуждалась в найме прислуги¹⁷. В основном же в книге рассматриваются судьбы и изменения социального статуса домработниц европейской части СССР в контексте дискуссий о природе советского строя.

Как отмечает Клоц, еще Л.Д. Троцкий выдвинул тезис об «обуржуазивании» советских элит при Сталине, признаком которого было, в частности, распространенное использование прислуги. Этот тезис сохранялся и в послевоенной западной историографии — в рамках теорий о «великом отступлении» и «большой сделке» 1930-х гг. Указывалось, что Сталин обеспечил себе лояльность элит уступками — допустив пользование благами буржуазного быта и отказавшись от характерных для первых послереволюционных лет радикальных идей по преобразованию повседневной жизни¹⁸. Клоц считает, что эта трактовка ошибочна, так же как и попытки доказать, что большевики, обзаведясь комфортным жильем и прислугой, предали свои социальные идеалы уже сразу после революции¹⁹. Сохранение прислуги не свидетельствует о сохранении старого быта, поскольку роль домработниц в это время подвергается переосмыслению, а их статус меняется. В частности, в СССР раньше, чем в других странах, разрабатывается законодательство по охране труда домработниц, пусть и не лишённое проблемных сторон. Советский строй проделал путь от отрицания ценности домашнего труда к ее признанию. Важную роль в этом сыграли профсоюзы, которые хотя и были подконтрольны партии, но все же много сделали для признания домработниц не слугами, а рабочими, вносящими весомый вклад в дело построения социализма²⁰. Даже после трансформаций 1930-х гг. профсоюзы организовывали для домработниц образовательные курсы и действительно следили за соблюдением их трудовых прав.

В то же время противоречия в восприятии труда домработниц так и не были преодолены — последние оставались для многих атрибутом старорежимного быта, и женская работа по дому стояла внизу иерархии видов занятости. В этом плане Клоц продолжает начатое еще В. Голдман исследование парадоксальности гендер-

-
- 16 Более сложная картина трансформации гендерных ролей, в том числе восприятия домашней работы, среди евреев Минска в межвоенный период дана в кн.: *Бемпфорд Э.* Превращение в советских евреев: большевистский эксперимент в Минске / Пер. с англ. А.В. Глебовской. М., 2016. С. 190—228.
- 17 Это согласуется с наблюдениями Э. Эдгар: даже в позднесоветское время русским девушкам, вышедшим замуж за мусульманина из Средней Азии (таджика, казаха), обычно приходилось привыкать к роли служанки в большой семье родителей мужа; нередко это становилось причиной разводов. См.: *Edgar A.* Intermarriage and the Friendship of Peoples: Ethnic Mixing in Soviet Central Asia. Ithaca; L., 2022. P. 67—89.
- 18 Клоц ссылается на кн.: *Timasheff N.S.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. N.Y., 1946; *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham, 1990; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е гг.: город / Пер. с англ. Л.Ю. Пангина. 2-е изд. М., 2008.
- 19 *Измозик В., Лебина Н.* Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 109.
- 20 Оценивая роль профсоюзов, Клоц возражает Д. Фильцеру, считавшему, что возможность вступить за отдельного рабочего — это максимум возможностей профсоюзов в сталинские годы: *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Пер. с англ. А.Л. Раскина. М., 2011.

ной политики большевиков. Голдман отмечала, что в 1920—1930-е гг. для женщин оказались открыты многие новые, ранее недоступные формы занятости, особенно в промышленности. Даже в условиях возвращения мужчин на заводы после окончания Гражданской войны число женщин-рабочих с 1923 по 1930 г. более чем удвоилось. Но в то же время происходило укрепление гендерных стереотипов, и прославление особых качеств женщины-работницы этому только способствовало. При всей значительности роста численности женщин-рабочих их доля в общей численности рабочих за тот же период снизилась²¹. По словам Клоц, отмеченные Голдман противоречия подтверждаются тем, что работа по дому трактовалась как прежде всего женская. Домработницы воспринимались как особенно отсталая и уязвимая группа людей, что и делало необходимой особую заботу о ней со стороны профсоюзов. Стремление превратить «бабу в товарища», освободить «кухарок» — вплоть до того, чтобы, по известному выражению Ленина, доверить им управление государством, — сталкивалось с признанием их ограниченности и стремлением спасти их от этой работы, направив на заводы, в колхозы, на советскую и профсоюзную работу. Эти противоречия повлияли на жизнь сотен тысяч женщин в СССР; согласно переписям, число домработниц оставалось в течение рассматриваемого периода примерно одинаковым — около полумиллиона (с. 17).

Если в случае западных стран бывает трудно найти источники, позволяющие услышать голоса домработниц, то в случае СССР таких свидетельств немало. В профсоюзных архивах сохранились письма домработниц из разных частей страны; их обращения публиковались в журналах, где устраивались также обсуждения разных острых вопросов. И хотя некоторые письма домработниц в журналы, как установила Клоц, фальсифицировались (о чем свидетельствуют квитанции о гоноражах, полученных мужчинами), многие другие были подлинными. Домработницы постепенно учились, по выражению С. Коткина, «говорить по-большевистски»²², и это означало не только их подавление, но и способность манипулировать властью в своих интересах, находить для себя разные возможности в рамках существующего строя. Фигура домработницы в эти годы подвергалась осмыслению не только в прессе, но также средствами литературы и кино. Клоц использует, кроме того, воспоминания и интервью нанимателей домработниц.

Хронологически в исследуемой автором истории домработниц можно выделить несколько этапов. Во-первых, это время радикальных экспериментов периода военного коммунизма, когда численность прислуги резко сокращается: богатые беднеют, и в условиях нехватки продуктов в городах многие крестьяне возвращаются в деревни. Те же, кто остался, подлежали трудовой мобилизации. После роспуска в 1918 г. независимого профсоюза домовых служащих его члены переводятся в Союз работников народного питания (Нарпит), к которому они будут принадлежать до 1930 г. Клоц обращает внимание, что домашняя прислуга классифицируется именно как работницы, а не рабочие. В это время предполагалось, что частную прислугу скоро заменят предприятия общественного обслуживания. Однако в условиях разрухи после Гражданской войны государство было не способно обеспечить необходимую для этого инфраструктуру. Оно было вынуждено идти на

21 Голдман В.З. Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.) / Пер. с англ. В.Ю. Любовской. М., 2010. С. 20—21.

22 Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995 (частичный рус. пер.: Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») / Пер. с англ. Э. Филипповой и О. Леонтьевой // Американская русистика: вехи историографии последних лет, советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250—328).

уступки, признав временную необходимость сохранения частного найма слуг. Вынужденный характер уступок в этот и более поздний период опровергает, по мысли Клоц, тезис об «обуржуазивании» советской элиты.

С началом НЭПа количество прислуги начинает быстро расти. Только с 1923 по 1926 г. количество домработниц в Москве увеличилось втрое. На V съезде Нарпита (1923) некий коммунист Игнатъев предложил заменить слово «работники» в названии профсоюза на «рабочие», и в 1926 г. Нарпит действительно добился отнесения своих членов к рабочим, а не к служащим. В это же время вместо гендерно нейтрального слова «прислуга» начинает использоваться более гендерно однозначное «домработница», что подтверждает наблюдения Голдман. Профсоюзный журнал «Рабочий народного питания» выступает с критикой как эксплуатации домработниц нэпманами, так и отсталости некоторых домработниц.

Тема обсуждается и в художественной литературе. Например, в рассказе Е.Д. Зозули «Прислуга» (1923) повествуется о молодом человеке по фамилии Горлов, который нанимает домработницей девушку Таню (в случае с неженатыми рабочими наличие работницы для ведения домашнего хозяйства признавалось нормальным). Горлов относится к Тане в соответствии со своими прогрессивными убеждениями: ест с ней за одним столом, позволяет посещать вечерние курсы. Но вскоре выясняется, что Таня ходит просто провести время с подругами. Более того, она хочет уйти от него, поскольку у него мало денег и он ничего не дарит ей на Рождество. Да и не из бедной она семьи, как оказалось. Горлов увольняет Таню, сожалея, что отступился от идеала простоты в быту. Таким образом, для Зозули революционные идеалы и прислуга едва ли совместимы, а кулацкие дочки не поддаются перевоспитанию. А у М.М. Зоценко в «Воспитательнице» (1929) слишком занятая на работе семейная пара нанимает воспитательницу для своего маленького ребенка и очень довольна: та днями напролет гуляет с их чадом. Но однажды председатель домкома обнаруживает, что воспитательница использует ребенка для сбора милостыни. Ее, конечно, увольняют, но, как отмечает Клоц, в рассказе больше осуждается мать ребенка, решившая нанять прислугу, а не бедная воспитательница, кое-как добывавшая дополнительный приработок. И не только в литературе, но и в реальных спорных ситуациях симпатии властей оказывались обычно на стороне домработниц. КЗоТ 1922 г. распространил на них защиту трудовых прав, Нарпит получил полномочия выступать посредником в разрешении споров между нанимателями и домработницами, и чаще всего решения принимались в пользу последних. Впрочем, закон 1926 г. «Об условиях труда домашних работников» ограничил власть Нарпита, но и он в целом создавал впечатление, что у домработниц есть права и что за них можно бороться.

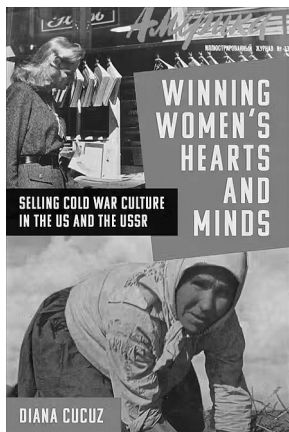
Ситуация вновь меняется с началом первой пятилетки, когда растет потребность в рабочих руках на производстве. Работающие без плана, лишенные заинтересованности в перевыполнении плана по стирке или готовке еды для хозяев, домработницы выглядели безучастными к соревнованию по социалистическому строительству. Начинается кампания по привлечению их в промышленность. Однако, чем больше женщин уходило на производство, тем острее становились проблемы в домашней сфере. Ушедших постепенно заменяют новые мигрантки из деревень, среди которых было много раскулаченных. Статус домработницы позволял обойти ограничения, связанные с введением в 1932 г. внутренних паспортов. В домработницы было проще устроиться и несовершеннолетним. Домашняя работа оказывалась важным окном социальной мобильности²³.

23 См. подробнее: Клоц А. «Светлый путь»: институт домашних работниц как миграционный канал и механизм социальной мобильности эпохи сталинизма // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 40–52.

Чтобы оправдать существование домработниц, государство с середины 1930-х гг. трактует их как тех, кто помогает передовикам производства сосредоточиться на своих профессиональных обязанностях. Таким образом, домработницы тоже оказываются служащими государству и причастными к движению ударников. Этот новый поворот к признанию ценности домашнего труда, однако, не отменял приоритетности работы в промышленности. Показателен в этом плане фильм «Светлый путь» (1940, реж. Г. Александров), в котором главная героиня из неуклюжей и грязной деревенской няни превращается сначала в рабочего-ударника, а затем и в стильно одетого инженера, и получает из рук самого М.И. Калинина орден Ленина²⁴.

В послевоенное время, когда в странах Западной Европы происходит быстрое сокращение численности прислуги и к тому же появляется все больше технических новшеств, облегчающих хозяйке домашний труд, в СССР, наоборот, количество домработниц быстро растет. Связано это было, по словам Клоц, как с возвращением из эвакуации обеспеченных семей, так и с голодом 1946—1947 гг., продолжающимся бегством из колхозов, а также поиском хоть какой-то крыши над головой. С ростом числа домработниц снова встали вопросы об организации государственного контроля над ними.

Настороженное отношение к домработницам сохранялось, и оно вновь возобладало после смерти Сталина, когда Хрущев взялся бороться с привилегиями, провозгласив ценность равенства в социалистическом обществе, необходимость обеспечить возможность благополучного существования для всех. В дискуссиях этого времени осуждается как использование домработниц, так и злоупотребление служебными машинами и трудом шоферов. Такого рода дискуссии подорвали утверждавшееся с 1930-х гг. представление, что домработницы тоже участвуют в строительстве социализма, выполняют государственно важную работу, а не просто обслуживают частные потребности. Тем не менее, поскольку и при Хрущеве обеспечить общедоступные коммунальные услуги не удалось, домработницы и дальше оставались необходимым элементом советской жизни. Исследование Клоц показывает, как раз за разом пренебрежение к труду домработниц приводило к проблемам в коммунальной сфере, что распатывало постепенно и идеологическую надстройку СССР.

Как своеобразное дополнение к рассмотренной книге может быть прочитана недавняя монография профессора Университета Торонто Дайаны Кукас «В борьбе за женские сердца и умы: как продавалась культура холодной войны в США и СССР», в которой прослеживается, как сфера домашней работы в эпоху Хрущева становится еще и ключевым полем внешнеполитического противостояния. Исследуя гендерные образы в русскоязычном журнале «Америка», издававшемся Информационным агентством США (ЮСИА) и распространявшемся в СССР с 1945 по 1952 и с 1956 по 1994 г., Кукас стремится показать, как информационная конкуренция способствовала проблематизации различных аспектов повседневности в обеих странах. Хронологически исследование ограничено 1945—1971 гг.

24 См. подробнее: Клоц А. Образ домашней работницы в советском кинематографе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. № 1 (<https://history.jes.su/s207987840000282-9-2/>).

Автор отмечает, что в 1950-е гг. советским читательницам предлагался исключительно консервативный образ американской женщины как матери и домохозяйки. Тем самым США пытались показать жительницам СССР, что в свободном мире у женщин нет необходимости работать, но есть возможность целиком посвящать себя как бы естественным женским занятиям: домашним заботам, уходу за собой, шопингу и т.д. Поход за покупками изображался как приятное и расслабляющее занятие, в отличие от изнурительной беготни по магазинам в поисках продуктов, которой занимались женщины в СССР. Отказавшись от прямолинейной пропаганды, которой, как считалось, советские граждане и так пресыщены, «Америка» стремилась подрывать социалистические ценности через демонстрацию прелестей культуры потребления. Поэтому в журнале гораздо больше места, чем рассказам об американских политических институтах, научных открытиях и искусстве, уделялось современной кухонной технике, устройству домашних интерьеров, последней моде и т.п. В выборе средств воздействия на советскую аудиторию журнал руководствовался образами советской повседневности, сложившимися еще в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Отчасти это были академические исследования вроде Гарвардского проекта²⁵, демонстрировавшие, что, будь у советских людей выбор, они бы не выбрали социализм (что опровергается более поздними исследованиями «советской субъективности», отмечавшими широкую самоидентификацию с социалистическим строем и готовность к жертвам ради него²⁶). В американской иллюстрированной прессе того времени жительницы СССР представляли бесформенными, мужеподобными, плохо одетыми, неухоженными, лишенными нормального жилья, занятыми тяжелой работой, за выполнение которой они при пустых магазинах не получают адекватного вознаграждения. Если в первые послевоенные годы подобные репортажи имели скорее сочувственный характер, акцентируя внимание на разрушениях и необходимости заменить погибших на фронте мужчин, то к концу 1940-х гг. бедственное положение жителей СССР начинает трактоваться только как результат экономически неэффективного коммунистического правления.

Впрочем, стереотипизации подвергался и образ американской женщины. В «Америке» публиковались переводы статей из американских журналов, адресованных прежде всего представительницам белого среднего класса («Лайф», «Вог», «Мадмуазель», «Гламур», «Севентин» и др.), и, соответственно, именно жизнь этих американок изображалась как типичная, хотя во время войны многие американские женщины пошли работать на заводы, и даже несмотря на последующее их вытеснение из сферы промышленного труда количество работающих на заводах американок оставалось значительным. В 1950-е гг. в журнале лишь изредка появлялись очерки из жизни «негров».

Таким образом, реалии американской жизни представляли в «Америке» искаженными. Демонстрируя яркие (в отличие от блеклых советских) наряды американских студенток и их умение хорошо обставить комнаты в общежитии (что намекало на их способность в будущем еще лучше обустроить дом для мужа), журнал умалчивал о том, что высшее образование в 1950-е гг. получали лишь 5—6% девушек — в разы меньше, чем в СССР. Супермаркеты с их полными товаров полками были в те годы новшеством для самих США — прежде действовала старая модель семейных специализированных лавок. И тем не менее они представлялись в «Америке» как обычное явление, а их создатели — не как жадные капиталисты, а как

25 Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / Сост., общ. ред. и вступ. статья О.В. Будницкого, Л.Г. Новиковой. М., 2018.

26 См., например: Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Пер. с англ. С. Чачко. 3-е изд. М., 2023.

заботящиеся об удобстве людей и их потребностях предприниматели. По замечанию Кукаса, удобство загородных шопинг-моллов было едва ли понятно в СССР, где практически полностью отсутствовала субурбанизация и было мало легковых машин в личном пользовании.

Публикации в «Америке» и в других случаях не стремились учитывать жизненные реалии СССР. Очень стройные модели, рекламирующие легкие летние платья на фоне калифорнийских пейзажей, не соответствовали советским телесным стандартам и климатическим условиям большей части СССР, а покрой этих платьев был весьма непрактичным для повседневного ношения. Вообще быстро меняющаяся мода, указывает автор, рассматривалась тогда в СССР как негативное явление, поскольку противоречила задачам долговременного планирования производства. Также и специальные платья для беременных, которые носились только несколько месяцев, были непозволительной роскошью для советских женщин, обычно носивших одежду много лет до полного износа. Впрочем, в «Америке» 1950-х гг. женщины обычно изображались или до замужества, или уже после рождения ребенка, образ беременной женщины был редким, и если он появлялся, то беременные были удивительно стройны, их платья хорошо все скрывали. На страницах журнала «СССР» в эти же годы, напротив, изображались женщины, которые смогли реализовать в самых разных профессиональных сферах, вплоть до того, что становились капитанами морских судов.

Различные трактовки образа женщины нашли воплощение в знаменитых «Кухонных дебатах» Н.С. Хрущева и вице-президента Р. Никсона на образцовой кухне во время Американской национальной выставки в Москве в 1959 г. Если Никсон говорил о стремлении американских производителей облегчить женский домашний труд, то Хрущев высмеивал демонстрируемые технические новшества вроде автоматической соковыжималки для лимона, который, по его словам, проще выжать рукой, и указывал на стремление американских капиталистов замкнуть женщину в домашнем пространстве, не предлагая ей иных возможностей для самореализации.

Характер публикаций в «Америке» меняется в 1960-е гг., когда республиканца Д. Эйзенхауэра в Белом доме сменил демократ Д.Ф. Кеннеди. Так, в журнале начинают появляться упоминания о Движении за гражданские права, хотя радикальные его формы осуждаются, а акцент делается на успехах в достижении равноправия. Такой поворот в информационной политике был связан с деколонизацией большинства африканских стран на рубеже 1950—1960-х гг. и стремлением не допустить перехода их в советскую сферу влияния. Сохранение расовой сегрегации вредило образу США на Африканском континенте. В эти же годы становятся более разнообразными и репрезентации женщин, хотя в журнале ни разу не упоминаются «феминизм», «женское движение» или близкие по смыслу слова. Если рассказывается о женщине, избранной в Конгресс, то подчеркивается, что она хорошо совмещает эту работу с домашними обязанностями; если говорится об успешной карьере женщины в бизнесе, то это карьера в сфере индустрии красоты, призванной делать американок еще более привлекательными, и т.п. В 1961 г. выходит третья за все время существования журнала статья о женщине-афроамериканке; четвертая статья появится только в 1968 г. Вместе с тем журнал больше внимания уделяет молодежной моде на джинсы и короткие юбки. Апогеем разворота к новой тематике стал изданный уже при президенте Никсоне (в марте 1971 г.) тематический номер о роли женщин в современном американском обществе. Это был запоздалый ответ на аналогичный тематический номер журнала «СССР», вышедший в 1962 г.²⁷

27 См. также: Бунина Е.С. Медиаобраз женщины в журнале «Америка» (1959—1994) // Современная медиасреда: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Мальшев. СПб., 2023. С. 171—178.

Как отмечает Кукас, советские власти относились настороженно к распространению на своей территории американского журнала, который хотя и не касался вопросов актуальной политики напрямую, но все же выполнял пропагандистские функции. Когда журнал создавался в 1944—1945 гг., его целью было познакомить советских читателей с США, о которых те мало что знали. Поначалу он пользовался большим успехом, однако затем его продажи начали падать. Кукас связывает это с тем, что поступление журнала в продажу искусственно задерживалось советскими властями. Он продавался только в нескольких точках в центре Москвы, где легко было проконтролировать, кто его покупает. На прилавках журнал закрывали другими изданиями. В конце концов, в 1952 г. США приняли решение прекратить издание «Америки», что соответствовало курсу на международную изоляцию СССР.

Возобновление журнала стало следствием стремления администрации Эйзенхауэра перехватить инициативу после провозглашения Г.М. Маленковым 16 марта 1953 г. поворота к мирному разрешению спорных вопросов между Востоком и Западом. США хотели продемонстрировать еще большее стремление к открытости, чем СССР. Кроме того, по словам Кукаса, Эйзенхауэр скептически оценивал результаты Труменовского курса на изоляцию СССР и оказание на него военно-политического давления. Более эффективными с учетом опыта Второй мировой войны ему представлялись инструменты пропаганды (которую начинают именовать информационной политикой, избегая также понятия «психологическая война») и культурной дипломатии. Это и делает возможным соглашение 1955 г., согласно которому в обмен на распространение в США журнала «СССР» Советский Союз разрешил распространение на своей территории возобновленной «Америки». Журнал снова продавался лишь в небольшом ряде легко контролируемых точек, тираж был ограничен 50 тысячами экземпляров, но на деле читателей было гораздо больше, поскольку номера передавались из рук в руки; по оценке посольства, каждый экземпляр прочитывало в среднем двадцать человек, а значит, в целом читательская аудитория достигала миллиона. Отпечатанные на хорошей бумаге с качественными черно-белыми и цветными иллюстрациями журналы по прочтении не выбрасывались, а хранились и, следовательно, имели еще и отложенное воздействие. Содержание журналов намеренно формировалось таким образом, чтобы оно выглядело вневременным, неустаревающим. Здесь к наблюдениям Кукаса можно добавить, что в 1950—1960-е гг. в номерах журнала нигде не указывался год издания, и догадаться о нем, как правило, затруднительно даже по текстам статей.

Помимо радиостанции «Голос Америки», передачи которой глушились, «Америка» была единственным способом доносить до советских граждан американскую информационную повестку, и с этой ролью журнал, по мнению Кукаса, справился, поскольку заставил руководство СССР вступить в конкуренцию с США в вопросах качества потребления. Создание универсамов по американскому образцу, салонов красоты, а также ателье, куда советские женщины могли прийти с вырезками из «Америки», чтобы заказать себе модное платье, привело в конечном счете к изменению ценностей советского общества и к кризису режима, не способного обеспечить желаемый уровень потребления. В то же время конкуренция с советской пропагандой, распространявшейся в том числе в бывших колониальных странах, заставляла США менять подходы к репрезентации собственной страны, обращать больше внимания на права афроамериканцев, женщин, простых рабочих, а также согласовывать внутреннюю политику с этими новыми способами саморепрезентации. В результате, заключает автор, начатый при Эйзенхауэре поворот к культурной дипломатии оказался более эффективным в плане разрушения советской системы, нежели более ранняя политика изоляции и военного давления; с другой

стороны, эта политика потребовала обновления многих сторон жизни в самих США. Книга Кукас, таким образом, продолжает ряд недавних исследований по культурной дипломатии периода холодной войны в связи с более широкими социальными процессами и трансформациями, что позволяет выйти за рамки трактовки журнала «Америка» только как инструмента пропаганды.

В обеих рассмотренных книгах авторам удается связать гендерную историю, историю частной жизни, историю маргинальных социальных групп и «большую» историю экономических и политических процессов, показав их взаимозависимость. Эпическая борьба за построение социализма спотыкается о, казалось бы, комически жалкий остаток сферы частной занятости в виде «отсталой» домработницы, который, однако, все больше подрывает как сложившийся социальный порядок, так и его идеологические основания. Многие вопросы об отношениях нанимателей и прислуги, о допустимых формах неравенства, о мигрантах в сфере работы по дому заново задаются в современной России²⁸, что, впрочем, сопровождается ограничением исследований в области гендерной и смежной с нею проблематики. Если верить авторам рассмотренных книг, «кухарки» способны отомстить за недостаточно вдумчивое отношение к ним.

28 См., в частности: *Здравомыслова Е., Ткач О.* Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России // *Laboratorium: Журнал социальных исследований.* 2016. № 3. С. 68—99; *Карачурина Л.Б.* Женщины-мигранты в нише домашнего труда в России // *Социологические исследования.* 2015. № 5 (373). С. 93—101; *Толстокорова А.В.* Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* 2016. Т. 8. № 11. С. 44—60.